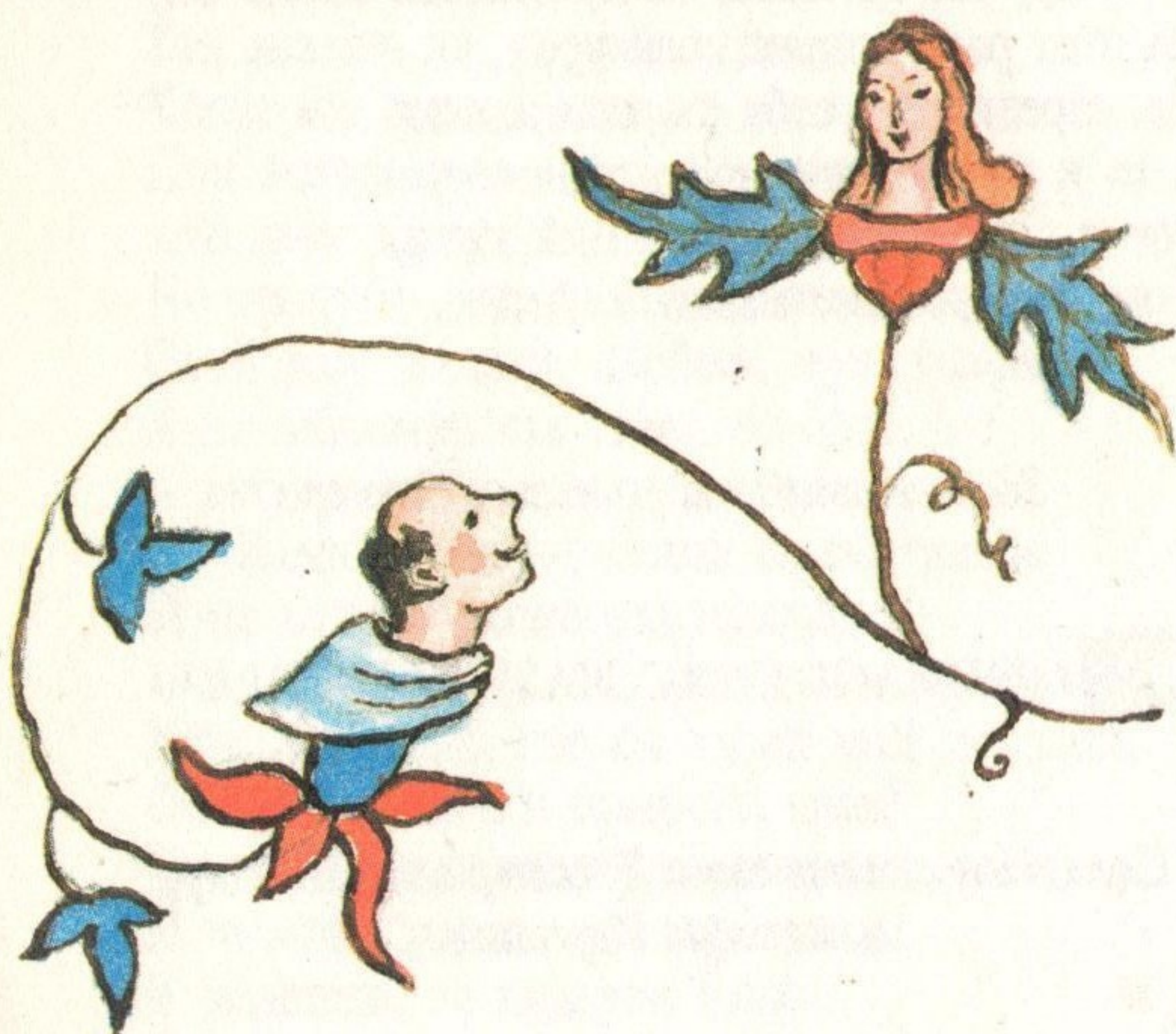

Страшитесь, други, вы монашских козней.
Чуть-чуть не удалось монаху розни
Посеять злоехидным языком.
Монаха не вводи к себе ты в дом.
Ну, а теперь кому пришел черед
Рассказывать и слово кто берет?»
Учтивость напустив, нам всем на диво,
К игуменье он обратился льстиво:
«Хоть просьбы наши не имеют веса,
Быть может, вы, миледи приоресса,
Мою мольбу изволите принять
И что-нибудь возьметесь рассказать?»
«Извольте», — отозвалась та учтиво
И начала рассказ неторопливо.

Г

Domine dominus noster.*

осподь и Бог наш, ты, чье имя столь
Велико в мире, — молвила она, —
Не только сильные сию юдоль
Твоею полнят славой; но хвала
Из уст младенцев, благости полна,
Порой исходит; у сосущих грудь
Сокровищ веры можно почерпнуть.

Тебе во славу и во славу той,
Что Белой Лилии цветком зовут, —

* Господи Боже наш (лат.).

Тебя родив, все той же чистотой
Она сияет, — предприму я труд
Сказать стихи; они уместны тут,
Хоть как прибавишь славы той, что есть
Само блаженство, праведность и честь!

О Матерь-Дева! Девственная Мать!
Неопалимый куст, что Моисей
Горящим зрел! От Бога благодать —
Тот дух, который с благостию всей
В тебя вошел; и плод великий сей
Для нас премудрость воплотил Отца!
Дай довести рассказ мой до конца!

Владычица! О сколь твой свет велик,
И кротость вся твоя, и доброта,
Которую не выразит язык!
Ибо молящему порой уста
Открыть лишь стоит — и услышит та,
Что всех добрей; и к грешному нисходит
И в Царство Сына своего приводит.

Царица благодатная! Я так
Слаба, и знания мои некстати;
Нести сей груз я не могу никак;
Но вроде годовалого дитяти,
Которое едва лепечет: «Мати!» —
Вот так и я — стихи сказать спешу
И в этом помощи твоей прошу.

рассказ

аббатисы

Здесь начинается рассказ Аббатисы

НОМ из азиатских городов
Меж христианских был квартал еврейский;
Правитель в тех краях ростовщиков
Не трогал ради выгоды житейской,
Хоть Господу они мерзки и дерзки;
А улицу, что шла через квартал,
Как проходную каждый житель знал.

И вот на этой улице в конце
Стояла школа; в ней учили строго
Детишек христианских; об Отце

Небесном им рассказывали много,
Как в школах принято; и, славя Бога,
Они там петь учились и читали —
Так исстари детишек обучали.

Средь школьников был сын одной вдовы
Лет от роду семи; без принужденья
Любить Христову Матерь он привык;
Такое он питал к ней уваженье,
Что, увидав ее изображенье,
Он перед ним колени преклонял
И многократно Ave* повторял.

Так сына своего вдова учила
Чтить Пресвятую Деву глубоко;
Благоговеть пред нею приучила —
«Хороший мальчик учится легко» —
Подобия искать недалеко:
Как думаю об этом, вспоминаю
Младенчество святого Николая.

Однажды в школе он букварь читал;
Другие петь учились антифоны.
Он Alma Redemptoris** услышал
И, песнопеньем дивным увлеченный,
Приблизась, слушал как замороженный,
И первый стих — и голос, и слова —
Он выучил, прослушав раза два.

Но он совсем не понимал латыни —
Учить ее позднее они начнут —
И стал просить дружка, чтоб тот уж ныне
Истолковать сей гимн ему взял труд
И объяснить, зачем его поют.

* «[Богородице дево] радуйся» (лат.).

** «Благая Искупителя [мать]» (лат.).

И так узнать об этом он стремился,
Что даже на колени становился.

Его товарищ старше был, чем он,
И отвечал: «Сей гимн, могу представить,
Владычице небесной посвящен;
Святую Деву научает славить,
Когда умрем, нас просит не оставить;
А больше не скажу, как ни желаю:
Грамматики ведь я еще не знаю».

«Так эта песнь посвящена блаженной
Христовой Матери? Тогда слова
И ноты, — мальчик молвил, — совершенно
Я выучу еще до Рождества!
Пускай букварь я буду знать едва,
Пусть высекут меня без сожаленья —
Я разучу святое песнопенье!»

Его товарищ по пути домой
День изо дня учил его; прилежно
Наш мальчик вытвердил напев святой
И пел его так правильно и нежно
Два раза в день — не мог ведь он небрежно
Петь песнопенье, что посвящено
Марии-Деве, чтимой им давно!

Как я уже сказала, проходил
Через квартал еврейский мальчик в школу
И гимн Марии пел что было сил;
И разносился голосок веселый;
А если ученик наш шел из школы,
То удержаться и не петь не мог,
Покуда не ступал на свой порог.

Но сатана, гнездо от века вьет
В сердцах евреев; он сказал: «Увы!

Народ Израиля! Ваш удел не мед.
Так неужели разрешите вы,
Чтобы мальчишка этот, сын вдовы,
Так оскорблял, без страха и без меры,
Священные устои нашей веры?!»

Тут меж евреев было решено
Со света сжить вдовицыного сына;
Убийца нанятый, когда темно
И поздно стало, ни души единой
Не видно было в улице пустынной, —
Его схватил, скрутил на месте прямо,
И, горло перерезав, бросил в яму.

Я говорю, что выбросил он тело
В дыру, куда сливали нечистоты.
О, Иродов новейших злое дело!
Народ, Всевышним проклятый! На что ты
Рассчитывал? Дурны твои расчеты —
Ведь к небу вопиет такая кровь,
А Божья честь восторжествует вновь!

О мученик! О девственник невинный!
В небесный хор огньные ты избран.
Как написал на Патмосе в пустыне
Святой Христов апостол Иоанн,
Пред агнцем белоснежным будет зван
Петь гимны тот, кто женщин не познает:
Лишь девственникам это подобает.

А бедная вдова всю ночь ждала
Дитя свое, а мальчик все не шел;
И потому, когда заря взошла,
Бледна лицом в предчувствии всех зол,
Она пошла, куда Господь повел;
И люди ей не в добрый час сказали,
Где мальчика в последний раз видали.

С любовью материнскою в груди
Пошла она, почти теряя разум,
Осматривая на своем пути
Знакомые места унылым глазом;
Христову Матерь жарче с каждым разом
На помощь призывала крест содеяв;
И вот она пришла в квартал евреев.

Она молила и просила всех
Евреев, кто там жил, чтоб ей сказали,
Кто видел ее мальчика; у тех
Один ответ был — «нет»; она едва ли
Его нашла бы, но Господь чуть дале
Ей путь к ужасной яме указал,
В которой мальчик брошенный лежал.

Великий Боже, ты во всем творенье
Свою являешь славу — так гляди!
Сей веры изумруд, сей ангел рвенья,
Брильянт сей — без дыхания в груди
Лежал; но чудо было впереди:
Он *Alma Redemptoris* вдруг запел,
Да так, что каждый камень зазвенел!

Кто мимо проходил из христиан —
Все подошли взглянуть на это диво;
Послали за шерифом, кто избран,
Чтобы блюлись законы справедливо.
Шериф явился сразу и правдиво
Восславил Приснодеву, свет людей;
Евреев же велел схватить скорей.

В слезах соседи подняли дитя;
А он все пел, презревши смерти жало.
Как в монастырь ближайший чуть спустя
Повозка с убиенным заезжала,
Мать замертво в ногах его лежала

И, поднятая, упадала в пыль,
И плакала, как новая Рахиль.

К евреям грозно пытки применив,
Шериф в их преступленья стал уверен,
И всех, к нему причастных, был шериф
Оставить без расплаты не намерен:
«Да будет зло тому, кто злонамерен!»
Их к виселице дикий конь тащил,
И по закону их палач казнил.

На смертном ложе мученик лежал
Пред главным алтарем, пока шла служба;
Аббат со всею братией считал,
Что схоронить его быстрее нужно;
Но, окроплен святой водой — неложно! —
Заговорил он, окроплен водой,
И вновь запел он антифон святой.

Аббат — а человек он был святой,
Как все монахи (или как монахи

Должны бы быть) со всею добротой
Стал вопрошать: «Дитя мое, я в страхе
Господнем; я глазами шарю в прахе —
Скажи, как чудо объяснить сие?
Ведь горло перерезано твое!»

«Прорезано до самых позвонков, —
Ответил мальчик, — но Господней волей
Законы естества переборов, —
Как в ваших книгах сказано, — доколе
Угодно Господу — живу я доле.
За то, что я Пречистую любил,
Христос мне петь О Alma разрешил.

Источник благодати, Мать Христову,
Я почитал всю жизнь со всею силой;
Когда был предан смерти я сурово,
Ко мне она пришла и петь просила
Гимн Alma Redemptoris, столь мне милый;
И зернышко, помнилось, в этот миг
Она мне положила на язык.

Вот отчего пою и петь я буду
Христову Мать в небесной вышине,
То зернышко не уберут покуда;
А после так она сказала мне:
«Мой маленький, возьму тебя к себе;
Как зернышко от уст твоих отринут,
Не бойся: ты не будешь мной покинут».

Святой аббат богобоязнен был
И с языка он зернышко убрал,
И тихо дух умерший испустил;
Кто чудо видел — на колени пал,
Аббат неудержимо зарыдал
Солеными обильными слезами
И ниц простерся, и лежал как камень.

Вся братия простерлась также ниц,
Пречистую безмерно прославляя.
В одну из беломраморных гробниц
Затем малютку отнесли, рыдая;
В ней похоронен был достойный рая
И там лежит, нашед свой вечный дом.
Дозволь с ним, Боже, свидеться потом!

О юный Хью из Линкольна, убитый
Евреями, отверженными Богом,
Как этот мальчик! Помяни в молитве
Нас, сирых, слабых, согрешивших многим!
О Господи Христе! Сойди к убогим
И даждь нам чистой милости елей
За почитанье Матери Твоей!

Аминь.

Здесь кончается рассказ Аббатисы

ПРОЛОГ ШКИПЕРА

Стр. 197. *По запаху лолларда узнаю.* — Лолларды — последователи Уиклифа, известные своей строгостью в жизни и в речи.

РАССКАЗ ШКИПЕРА

Во многих рассказах Чосера (например, в рассказе Пристава церковного суда и т.п.) мы находим многочисленные галлицизмы и целые французские выражения как следы французского влияния и влияния придворного англо-норманнского языка. В рассказе Шкипера, действие которого происходит во Франции, кроме таких галлицизмов, встречаем и французское написание ряда имен и географических названий.

Стр. 199. *...Он кормит, одевает нас...* — Рассказ Шкипера Чосер, по-видимому, предназначал для батской ткачихи, и следы этого остались в стихах (14-23), где рассказчик причисляет себя к замужним женщинам.

Стр. 200. *Мальвазия* — сорт кипрского вина, позднее производившийся в Южной Франции. *Вернейское* — сорт итальянского вина.

Стр. 204. *Ганелон* — один из персонажей французского героического эпоса «Песнь о Роланде», рыцарь, предавший Роланда в битве в Ронсевальском ущелье.

ПРОЛОГ АББАТИСЫ

Как полагают исследователи, написан после рассказа Второй монахини, с началом которого имеет значительное сходство.

Стр. 213. *Господь и Бог наш...* — Первая строфа — вольное переложение начала 8-го псалма, откуда взят и эпиграф.

...той, что Белой Лилии цветком зовут... — Уподобление Марии цветку лилии встречается также в русской средневековой литературе.

Стр. 214. *Неопалимый куст...* — Исх., III/2 и далее.

И кротость вся твоя, и доброта... — переложение из Данте, «Рай», песнь XXXIII, стих 6 и далее.

РАССКАЗ АББАТИСЫ

К. Браун обнаружил в дочосеровских источниках 11 вариантов этого сюжета. По его свидетельству, в наиболее ранних из них герой остается жив, а его убийцы под впечатлением чуда обращаются в христианство. Однако Чосер выбрал наиболее драматичный вариант сюжета — вероятно, вопреки своему миролюбивому и добродушному характеру, но, несомненно, в соответствии с характером собственного дарования, тяготеющего к драме — вспомним хотя бы пролог и рассказ Монаха. Своеобразная «сценичность» присуща всем «Кентерберийским рассказам»; пожалуй, не будет преувеличением сказать, что Англия уже была беременна елизаветинцами.

Ко времени Чосера евреи уже сто лет как были официально изгнаны из Англии королевским указом. Оставшиеся тщательно скрывали свое иудейство. Англичане того времени знали евреев, в основном, по легендам и слухам с континента, где с евреями (скажем, в Германии) обращались гораздо суровее, чем когда-либо на родине Чосера. В средние века черту между иудеями и христианами проводило не только вероисповедание, но и правовой статус: евреи подчинялись непосредственно королю, это ставило их в зависимость от любого монаршего каприза, но зато они не подлежали обычному суду — ни церковному, ни гражданскому. С королем считалось позволительным, и даже отчасти похвальным, хитрить; но по сравнению с массовыми высылками и казнями, которыми отвечал на это король, даже изготовление фальшивых денег выглядит сравнительно невинно. То же можно сказать и о соотношении других «преступлений и наказаний» евреев: евреи открыто насмеялись над непорочным зачатием и христианским «идолопоклонством», иногда даже прерывали церковную службу; но реакцию христиан — число убитых евреев при этом порой исчислялось сотнями — адекватной никак не назовешь. Великая чума 1348-49 гг. подлила еще масла в огонь: еврейские кварталы от нее почти не страдали — очевидно, бытовое поведение их обитателей более соответствовало санитарным нормам. То, что евреев не брала «черная смерть», в сочетании с их откровенным антихристианством и неподсудностью, делало их в массовом со-

знании, которое до известной степени воплощает Аббатиса, рождением и пособниками сатаны.

Стр. 215. *В одном из азиатских городов...* — Как отмечают исследователи, действие этой истории всегда разворачивается в неопределенном, но весьма отдаленном месте.

...ростовщиков... — Ростовщичество запрещалось христианам; в средневековой Англии им занимались либо евреи, либо люди, называвшие себя ломбардцами.

Стр. 216. *...среди школьников...* — Герой рассказа — *clergeon*, то есть и ученик церковной школы, и певчий церковного хора.

«Хороший мальчик учится легко»... — Пословица.

Антифоны — гимны, своего рода диалоги между двумя полухориями церковного хора.

Стр. 218. *...написал на Патмосе в пустыне...* — Откр., XIV/3, 4.

Стр. 220. *...как новая Рахиль.* — См. Мф., II/18, Иер., XXXI/15.

Стр. 222. *...юный Хью из Линкольна...* — Канонизированный святой, судьба которого, по легенде, подобна судьбе героя рассказа.

РАССКАЗ О СЭРЕ ТОПАСЕ

Этот явно пародийный шуточный рассказ осмеивает рыцарский роман своего времени. Рассказ написан так называемыми доггерелями (см. ниже).

Стр. 228. *...Не то — свидетель Термаган...* — Термагаунт, или Термаган — мифическое существо, которое в английских «моралите» было олицетворением буйного разгула (ср. Шекспир, первая часть «Генриха IV», акт V, 4, 114; «Гамлет», акт III, 2, 15).

ПРОЛОГ РАССКАЗА О МЕЛИБЕЕ

Стр. 233. *Доггерель* — неравностопная строфа с добавочными, так называемыми хвостовыми, рифмами («*gite соее*»), применявшаяся в шуточных жанрах; распространительно — всякий ковыляющий, плохой стих.